

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А
КУЛИКОВА

Теорема счастья,
или Сумасшедший домик в деревне

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Теорема счастья, или
Сумасшедший домик в деревне**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Теорема счастья, или Сумасшедший домик в деревне /
Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Изящный детектив от Галины
Куликовой)

ISBN 978-5-699-83250-7

Полина Федотова работала в доме для престарелых. Ее жизнь была серая, как застиранная пижама. И вот в один день все изменилось. Кузина Люда пригласила Полю пожить в своем загородном доме и обещала устроить на работу. А сама уехала отдыхать. Но Полина зря радовалась – неприятности начались в первую же ночь. Она проснулась и... увидела за окном привидение. С криком Полина выскочила в сад к соседу. Математик Никифоров не спал, а доказывал очередную теорему. А тут эта рыжая! Как жить! Как работать! Никифорова вынудили заниматься чужими проблемами. Ну не мог же он бросить эту нелепую особу в беде. С привидениями он разобрался, но соседку начали преследовать какие-то непонятные личности со шприцем наперевес. Кому могла насолить эта рыжая штучка?...

ISBN 978-5-699-83250-7

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Галина Куликова

Теорема счастья, или Сумасшедший домик в деревне

Глава 1

Когда Андрей Никифоров перешел к упражнениям с гантелями, в окнах соседнего дома вспыхнул свет. Еще во время отжиманий он услышал сырое урчание мотора, хлопки автомобильной дверцы и противный дамский щебет, вызывающий мигрень у одиноких мужчин.

«Новые хозяева явились, – поморщился Никифоров. – Баб как минимум две. Отвратительно. Лето только начинается. Они поселятся, развешат белье на веревках, будут с утра до ночи на полную катушку слушать слюнявую попсу – Шатунова или Губина – и гарцевать по саду в обтягивающих штанах. Нет в жизни счастья».

Футболка промокла насквозь, он ее снял и отбросил в сторону. Он знал, конечно, что из соседнего дома его отлично видно через большое окно, но решил ничего не предпринимать. Если им не нравится, пусть задернут занавески. Он поднял руки вверх, развел в стороны, опустил вниз. Раз-два.

Баб действительно было две. Они запалили свет на первом этаже и стали энергично двигаться по комнатам и трещать без умолку. Конечно, он их не слышал, однако следил за обеими с мрачным любопытством. Первая была высокой и статной, с пшеничного цвета копной на голове. «У одного человека не может быть столько волос, – тотчас решил Никифоров. – Наверное, на ней парик. Или это какое-то очередное бабское ухищрение». И то сказать, косметическая и парфюмерная промышленность всего мира работает на то, чтобы эти существа что-то там себе распушали и увеличивали. Никифоров решил, что блондинка деловая – из тех, что после покупки загородного дома распоряжаются рыть бассейн, стричь газоны и корчевать пни.

Вторая была еще хуже. Невысокая, рыжая, с маленькой крепкой грудью и пухлой нижней губой, которую ему удалось разглядеть даже на таком расстоянии. Его бабка говорила: «От огня сбережешься, а об рыжую девку обожжешься». Никифоров вспомнил, что он завязал со сколько-нибудь серьезными отношениями с женщинами и обжечься ему не грозит. Поэтому стал рассматривать рыжую еще откровеннее. Просто так. Может, у нее муж крутой, с мордой широкой, как телевизор «Тринитрон». Про блондинку он почему-то не подумал, какой там у нее муж. Руки вверх, вниз, раз-два.

Конечно, они обе его видели. И голую грудь, и ужасные обвисшие штаны.

– Первым делом нужно будет поставить забор, – заметила Люда, недовольно поглядев на Никифорова, будто он был тиной в пруду, где она решила выкупаться. – Двери как следует запири. Впрочем, в поселке вооруженная охрана, это очень приличное место.

Естественно, она не знала, что ночью в саду появится привидение. Откуда она могла знать? Дом они с мужем Максимом купили только что и завезли сюда лишь самое необходимое. Даже с соседями не познакомились.

– Устраивайся поудобнее и делай, что хочешь, – разрешила она Полине, которая пыталась пиятерней причесать свои рыжие волосы.

Люда очень торопилась уехать. Она постоянно оглядывалась на свой «Фольксваген»-жук, больше похожий на женскую финтифлюшку, чем на настоящий автомобиль, и выглядела рассеянной. Как будто предчувствовала, что вскоре здесь произойдет нечто из ряда вон выходящее, а ей очень не хотелось в этом участвовать.

– Поеду, а то на самолет опоздаю. Все инструкции ты получила, а в непредвиденных обстоятельствах действуй по собственному усмотрению.

Она вскинула руку к глазам и раздраженно воскликнула:

– А, черт! Часы забыла. И мобильный оставляю тебе. Как я буду ориентироваться? Может, одолжишь мне свои?

– Возьми, – предложила Полина. – Правда, они некрасивые...

– Да ладно тебе – некрасивые! – пробормотала Люда, торопливо застегивая ремешок на запястье. – Хочешь, я тебе посимпатичнее из Болгарии привезу? В подарок?

– Что ты, Люда! – начала отнекиваться Полина. – Мне ничего не надо.

– Надо, надо! – возразила та. – Тебе еще многое надо. Мы это позже обсудим.

После ее отъезда Полина заперла дверь на ржавую щеколду, переоделась в пижаму, повадилась в постель и ровно через минуту уже спала, разметавшись поверх покрывала. За день она так устала от важных событий, что не подумала ни об ужине, ни об умывании.

Неизвестно, что ее разбудило. Тишина, казалось, давила на барабанные перепонки. Полина некоторое время смотрела в потолок, соображая, где находится, потом скосила глаза вбок. Ну, конечно! Она в загородном доме у Люды. Окно открыто настежь, а в нем что-то мелькает. Что-то белое. Разглядеть как следует невозможно, потому что снаружи темно хоть глаз выколи. Если бы не луна и звезды, вообще ничего не было бы видно. Спустив босые ноги на пол, Полина села на постели и тут увидела привидение. Привидение висело посреди сада высоко в воздухе и медленно колыхалось. Оно было здоровое – размером с хороший холодильник – и не имело определенных очертаний. Вернее, оно их меняло.

Волосы у Полины встали дыбом, глаза широко раскрылись, а язык сделался таким сухим, словно его сушили специально. Неуверенно пятясь, она вышла из комнаты задом наперед и скатилась по лестнице на первый этаж. Надо сказать, что поселок был выстроен самым примитивным образом: дома стояли вдоль дороги, глядя в затылок друг другу. Дверь выходила как раз туда, где прогуливалось привидение. Полина метнулась к противоположному окну и повисла на шпингалете. Тип, который не так давно занимался физкультурой, по-прежнему не спал, а сидел в кресле под торшером, похожим на мухомор, и читал толстенную книгу.

Никифоров целиком погрузился в труд Курта Геделя о теории множеств, когда некое движение за окном привлекло его внимание. Он поднял голову, посмотрел и невольно моргнул несколько раз подряд. Из окна соседнего дома кто-то торчал и испуганно махал руками. Приглядевшись, Андрей сообразил, что это та самая рыжая девица, которую он заметил накануне. Интересно, что она делает? Воображает себя полярницей, над которой кружит вертолет, чтобы сбросить на льдину мешок с сухарями и тушенкой? Или, может, она вообще – того? Если бы она кричала, то Никифоров непременно решил бы – случилось что-то ужасное. Однако девица махала руками молча. Ему и в голову не могло прийти, что у нее просто-напросто отнялся язык.

«Боже мой! – пронеслось тем временем в голове у Полины. – Он видит меня, но не идет! Даже не собирается оторвать свою задницу от кресла!». В этот момент наверху, в комнате, где она спала, что-то гроыхнуло. Неужели привидение залетело в дом?! Сейчас оно спустится на первый этаж и вцепится ей в горло! Вместо крови по венам Полины помчался жидкий ужас. Комок в горле растаял, она разинула рот и завизжала так, что у вооруженной охраны должны были сами собой передернуться затворы и взвестись курки.

Никифоров в изумлении глядел, как некая невидимая сила выбросила девицу из окна и швырнула вперед. Луна нынешней ночью светила вполнекала. Она, словно отважный пловец, то ныряла в тучи, то снова появлялась на поверхности, чтобы глотнуть воздуха. Девица была босиком и в какой-то жуткой широченной пижаме, которая, впрочем, не мешала ей нестись со сверхсветовой скоростью. Она бежала, раскинув руки, точно собиралась в едином порыве обнять весь мир, и вопила при этом, как оглашенная. Никифоров понял, что, если дамочку

не остановить, она впечатается в дверь и ее размажет по ней, точно мошку о лобовое стекло автомобиля.

Он выпрыгнул из кресла и метнулся на улицу. Девушка миновала дистрофичные яблони и, споткнувшись о поливочный шланг, пропахала носом единственную Никифоровскую грядку с укропом. Тут же вскочила, словно подброшенная пружиной, покрутилась на месте и, изменив направление, нацелилась вломиться в малиновые кусты.

– Тю-тю-тю! – закричал Никифоров, отрезая ей путь. – Куда?!

Словно ракета, потерявшая управление, девушка врезалась в него и свалила на землю. Оказавшись на нем, она тотчас перестала орать и только открывала и закрывала перекошенный рот.

– Мне везет, – сердито сказал Никифоров, пытаясь оторвать ее от себя.

Девушка не отделялась. Свет из окна падал на траву, в которую они грохнулись, и свою новую соседку он видел отлично. У нее был прямой короткий нос, на который, словно воду с руки, стряхнули веснушки, огромные дикие глаза и пухлые – в самом деле! – губки, искаженные ужасом.

– Что? Что случилось? – недовольно прокряхтел он, попытавшись приподняться вместе с ней.

Мерзавка тотчас воспользовалась моментом и обхватила его руками и ногами, словно перепуганное дитя, после чего трогательно уткнулась носом ему в шею и засопела. В этот момент рядом с ними материализовались два здоровенных мужика в камуфляже. Один из них фыркнул, а второй сказал:

– Андрей Андреич, ваша дама так орет, что у народа кровь стынет в жилах. Лучше бы вы пошли в спальню.

– Ладно, – произнес Никифоров, по достоинству оценив их постельный юмор. – Можете быть свободны. Идите, идите себе.

Похохатывая, охранники ретировались, а Никифорову, наконец, удалось вырваться из объятий новой соседки. Он затащил ее в дом, включил верхний свет и развернул лицом к себе. На ней была совершенно нечеловеческая пижама. В том смысле, что на людей такие не шьют, не должны шить. Из страшного набивного ситчика времен СССР, с рукавами неодинаковой длины и топорно обработанными швами.

– Где брали вещь? – спросил он, не удержавшись, и пощупал материал.

Девушка икнула и показала пальцем на дом, из окна которого только что стартовала.

– Прив... Прив... – выдавила из себя она, вращая глазами. Глаза оказались темно-зелеными, цвета старого подорожника.

– Привет, привет! – холодно отозвался Никифоров. Он и вообще-то возражал против знакомства, а уж против знакомства, завязанного подобным образом, и подавно. – Так что? Какого черта вы приперлись в четвертом часу ночи?

– Привидение! – выпалила Полина и без спросу повалилась на козетку, которую бывшая жена Никифорова проглядела при разделе имущества. – Там, в саду, летает привидение!

– Дикое, но симпатичное? – насмешливо спросил он.

– Что?

– Оно, конечно, вздыхало и стонало?

– Н-нет, – покачала рыжей головой его новая знакомая.

– Как говорил Карлсон, грош цена тому привидению, которое не умеет как следует вздыхать и стонать. Что же в таком случае оно делало?

– Висело в воздухе, – немедленно ответила Полина. – И колыхалось.

Блестящий ум Никифорова, отточенный высшей математикой, тотчас выдал приемлемую версию: девушка специально устроила представление, чтобы сойтись с ним поближе. Она видела его в окне, когда он упражнялся с гантелями, и потеряла голову.

– Меня зовут Андрей Андреевич. А вас? – поинтересовался он и вытянул губы трубочкой, как делал всегда, когда решал трудную задачу.

У него было скуластое лицо с мощным лбом и куцей челкой, похожей на примятую траву, вылезшую из-под снега. И колючие умные глаза, оттененные короткими ресницами.

– Полина, – покорно ответила девица, теребя пуговицу на своей марсианской пижаме.

– Где вы ее взяли, эту пижаму? – спросил Никифоров, упорно не желая возвращаться к привидению.

– У нас у всех такие.

– Где это – «у нас»?

– В доме престарелых.

Никифоров отказывался верить, что девица все-таки – того, поэтому уточнил:

– Вы что же, прямо смолodu туда вселились? Забили, так сказать, место?

– Да нет, – встрепенулась она. – Я там работаю. То есть работала. То есть... Я, конечно, куплю себе другую пижаму, когда накоплю денег.

Естественно, она была не в себе, иначе никогда не ляпнула бы ничего подобного. Никифоров хотел заметить, что в процессе накопления денег лучше спать вообще без пижамы, но решил, что девица может истолковать эти слова по-своему, и хмыкнул.

– Я проснулась, посмотрела в окно, а там... Там... – Она задохнулась, не в силах вымолвить самое ужасное.

– Привидение, – помог ей Никифоров. – Висит и молча колыхается.

Полина заподозрила, что он издевается, и, сдвинув брови, сердито сказала:

– Вместо того, чтобы хохмить, сходили бы и посмотрели сами.

– Я?! – искренне изумился Никифоров. – Зачем это я пойду?

– А вы что, не мужчина?

Вероятно, у нее были дремучие убеждения, что мужчина – рыцарь, защитник и все такое.

– Я мужчина, но не в том смысле, какой *вы* вкладываете в это слово.

– То есть не пойдете?

– Нет.

– Тогда я останусь здесь, – твердо сказала рыжая девица и взялась двумя руками за ручки козетки.

Никифоров заложил руки за спину, как он делал это, когда читал лекции. Он чувствовал, что его снова втягивают в отношения, и соображал, как этому помешать.

– Ладно, – сообщил он наконец. – Я провожу вас до дому и погляжу, что там. Но после этого вы от меня отстанете, о'кей? Обещайте, что не явитесь утром с букетиком маргариток и большой человеческой благодарностью за помощь. Если у вас кончится сахар, не постучите в дверь с пустой чашкой и заискивающей улыбочкой на лице. Когда у вас перегорит лампочка, вы вызовете электрика, а не меня. Я доступно излагаю?

– Привидение, – вместо ответа коротко напомнила Полина. – Вы можете пропустить самое интересное.

Никифоров молча повернулся, достал из ящика стола мощный фонарь и первым вышел из дому.

– Где конкретно вы его видели? – спросил он, легко перепрыгивая через незначительные препятствия. – С другой стороны дома?

– Да-да, в том саду, что отделяет наш участок от следующего.

– Там высокие деревья, – заметил Никифоров. – Сосны в том числе. Может быть, на ветке сидела большая птица?

– Оно было гораздо больше, чем птица, – не согласилась Полина.

– Насколько больше?

– Оно такое, как вы. Только намного толще.

– Отлично! – саркастически пробормотал Никифоров. – Метр девяносто рост и килограммов сто двадцать вес. Если оно на меня навалится, вряд ли я выйду победителем из схватки.

Они обогнули дом и вышли в сад, разделенный низким забором на две равные части. Никифоров включил фонарь и поводил лучом туда-сюда.

– Привидение находилось на вашей половине сада?

– Не знаю, – шепотом ответила Полина. – Оно летало по воздуху.

– Ну, как бы то ни было, теперь его тут нет, и я иду спать. Если вы не возражаете.

Полина возражала.

– А если оно залетело ко мне в спальню? – вскрикнула она и схватила его цепкими пальцами за рукав футболки.

Никифоров поглядел на нее с подозрением. Не хочет ли она затащить его в постель прямо сейчас? Сначала скажет – зайдите вы первый, потом – обнимите меня, мне страшно, после – полежите рядышком...

– Когда я побежала за помощью, наверху что-то упало!

– Побежала за помощью, – пробормотал Никифоров. – Вот оно что. А куда делась ваша подруга?

– Кузина, – поправила Полина, выбивая зубами «Ча-ча-ча». – Люда. Это ее дом, ее и мужа.

– Вашего? – тотчас спросил Никифоров.

– Почему моего? – нахмурилась Полина. – Как вы себе это представляете? Мой муж и моя кузина вместе купили дом?

– Мало ли! – пожал тот плечами, досадуя, что вопрос сорвался у него с языка.

– У меня нет мужа, – добавила Полина.

– Я почему-то так и подумал, – соврал Никифоров.

Сначала-то он был уверен, что у нее обязательно должен быть муж. Впрочем, она ведь говорила что-то по поводу того, что копит деньги на пижаму. Одно другому явно противоречит. Даже самый задрипанный муж способен купить жене что-нибудь более достойное, чем приютский гарнитур.

На самом деле Полина была одинокой и бедной, словно церковная мышь. Последние пять лет она работала в подмосковном доме престарелых «девушкой на все руки» и одновременно училась на заочном отделении педагогического института. Она исступленно мечтала о том времени, когда получит диплом и будет вести уроки в школе, и получать свою маленькую, но очень престижную – учительскую! – зарплату.

Недавно ни с того ни с сего ей позвонила тетя Муся, о самом существовании которой Полина успела забыть. Муся была не родная тетя, а троюродная или даже четвероюродная, и, с тех пор как похоронили маму, не давала о себе знать. Она сообщила, что умер один из Полининых прадедушек, что на его похороны съедутся все родственники, и она тоже должна явиться. Тетя так и сказала: «должна явиться», как будто Полина была новобранцем и ее вызывают принимать присягу. Полина в глаза не видела ни одного своего родственника. Раздираемая любопытством, она отправилась проводить в последний путь прадедушку и там же, на похоронах, встретила со своей кузиной Людой Анохиной, с которой не виделась с детства. Люда и ее муж Максим, оба врачи, работали в большой подмосковной клинике.

– Хочешь, я устрою тебя к нам в регистратуру? – предложила кузина. – Деньги, правда, не ахти, зато работа не пыльная. Это не то что со стариками возиться.

– Но мне ездить далеко! – возразила Полина.

– Поживешь у нас. А что? Мы недавно дом купили неподалеку от клиники. Надоело мотаться из Москвы туда-сюда. Макс грозит все перестроить, но когда еще начнет!

Так Полина, совершенно неожиданно для себя, оказалась одна в только что купленном доме. Через две недели она должна была приступить к работе на новом месте. Пока же Максим уехал на научную конференцию в Париж, а Люда бросила все и отправилась отдыхать, оставив Полину «на хозяйстве». Полина осталась с восторгом, с удовольствием! Это была новая жизнь, которая открывала перед ней невиданные доселе горизонты. И кто мог предположить, что в первую же ночь случится невероятное и в саду появится привидение?

– Если хотите, оставайтесь внизу, – предложил Никифоров, поднимаясь по лестнице и топая при этом, как бегемот.

– Нет, я с вами! Вдруг оно спустилось вниз и сидит где-нибудь?

– Где оно может сидеть? В кресле у камина?

Полина молча побежала за ним наверх. В ее комнате, кроме спального места и зеркала на стене, ничего не было. Никифоров включил свет, встал на четвереньки, заглянул под кровать, тотчас поднялся и сообщил:

– Его нет.

– Может быть, оно в ванной? – предположила Полина.

– Вы уверены, что вам не приснилось?

– По-вашему, я дура?

Никифоров на этот провокационный вопрос решил не отвечать.

– Иногда людям снятся такие яркие сны, что они принимают их за явь.

– Только не я, – твердо сказала Полина. – Я по двадцать пять раз за ночь встаю к старикам. И уж как-нибудь могу отличить сон от яви.

«Какова штучка! – подумал Никифоров. – Только что вопила на всю деревню, а теперь вон как заговорила! Не-е-ет, пора сматываться». Для очистки совести он обошел заодно первый этаж и убрался восвояси, хотя по лицу рыжей нахалки видел, что она судорожно изобретает способы оставить его при себе. Однако фантазии ей не хватило, и Никифоров удалился, насвистывая и помахивая фонарем.

Остаток ночи Полина бодрствовала. Она включила повсюду свет и принялась приводить дом в порядок, распевая во все горло песни и поминутно выглядывая в окна. Только утром, когда рассвело, она провалилась в сон и проспала до полудня. Есть хотелось так, что она готова была проглотить подошву. «В таком большом поселке наверняка должен быть магазин», – решила она, взяла сумку и отправилась на улицу. Вчера они с Людой как-то не продумали вопрос питания, но Полина решила, что справится с этим сама.

В саду соседнего дома, не Никифоровского, а того, над которым ночью пролетало привидение, копошился мужчина лет шестидесяти в панаме. У него были командирские усы с лихо загнутыми вверх кончиками и маленькие хитрые глазки.

– Здравь-сьте! – сказала Полина и ногой захлопнула за собой дверь.

– Здравьте, здравьте! – громко поздоровался тот и, распрямив спину, посмотрел на нее, приложив ладонь козырьком ко лбу. – Вселились, значит?

– Вселились, – поддакнула Полина. – А магазин тут у вас далеко?

– Минут за двадцать доберетесь.

За двадцать, так за двадцать – решила она и вышла на дорогу. Оглянулась и увидела, что усатый снова занялся своей клумбой. Никифорова на улице не было, хотя Полина изо всех сил косила глазом в сторону его участка. Она двинулась вперед, но преодолела не слишком большое расстояние, когда заметила человека, который шел ей навстречу с вязанкой хвороста на плече. Чем ближе он подходил, тем медленнее шла Полина. Это был тот самый тип, с которым она только что познакомилась. В панаме, с командирскими усами и все такое.

– Здравь-сьте! – слотнув, сказала Полина, когда сосед поравнялся с ней.

– Здравьте, здравьте! – бодро ответил тот во второй раз и широко улыбнулся.

Она глупо моргнула, развернулась и провожала его глазами до тех пор, пока он не вошел в калитку своего дома. Потом бросилась назад и принялась ломиться к Никифорову.

Тот не сразу открыл дверь, а когда открыл, оказалось, что он еще толком не проснулся.

– Что? Кто? – бормотал он, шурясь от яркого света. Потом узнал Полину и немедленно разъярился. – Я ведь запретил вам являться!

– Послушайте! – у нее был такой радостно-удивленный вид, как будто она, наконец, поняла, что такое пропозициональная формула. – Привидение живет в соседнем доме! Я только что с ним разговаривала!

– Отлично! – сказал Никифоров. – Я рад, что вы подружились. Теперь я могу жить спокойно?

– То есть вам все равно? – не поверила она.

– Вы всю ночь не давали мне спать. Будьте же милосердны! Идите, куда вы там собирались!

– В магазин, – уточнила Полина. – Я умираю с голоду. Привидение сообщило, что до магазина двадцать минут. – Никифоров молчал. – Ну, я пошла.

– Двадцать минут на машине, – сказал он ей в спину. – У вас, конечно, есть машина?

Она остановилась и обернулась. На лице у нее сияла все та же малахольная улыбка.

– Машины нет. Да я пешочком пройдуся.

Никифоров захлопнул за ней дверь и повалился обратно в кровать. Закрыв глаза, полегал немного, потом вздохнул, снова поднялся и посмотрел в окно. Дурочка уходила по дороге в неизвестном направлении. На градуснике, приложенном снаружи к раме, ртутный столбик пополз уже до 28 градусов. Солнце жарило так, словно ему обещали за это двойную плату. У дурочки ничего не было на голове – ни шляпки, ни панамки, ни платочка. Она пошла прямо так – в шортах и футболке, застиранной до бурого цвета. Вероятно, такого цвета была нить, когда ее только спряли.

Никифоров фыркнул и снова лег. Сладкая истома, которая обычно нежила его тело при пробуждении, решила сегодня больше не возвращаться. И сна не было ни в одном глазу, хотя пять минут назад казалось, что встать с постели ни за что не получится. «Вот зараза рыжая! – в сердцах подумал Никифоров. – И ведь я специально предупреждал. Нет! Ничего на них не действует, на этих баб».

Он принял душ, побрился и отправился завтракать. Открыл холодильник, достал оттуда копченую колбасу, ветчину, сыр, масло... Кусок не лез в горло. Никифоров отчетливо представлял, как рыжая дура, голодная, тащится по солнцу за хлебом. Она обгорит, словно головешка, или свалится в обморок где-нибудь посреди кукурузного поля. Злясь на себя, Никифоров выхлебал кружку черного кофе, натянул джинсы и вывел машину из гаража.

Полина ушла уже довольно далеко и выглядела так, словно только что вылезла из парилки. Кожа стала красной, и веснушки весело поджаривались на носу. Заслышав шум мотора, она отступила на обочину и теперь стояла, прижав к животу матерчатую сумку – родную сестру той пижамы, которую Никифорову посчастливилось лицезреть ночью. Вероятно, с такими сумками старухи в доме престарелых прогуливались по прилегающей территории.

– Садитесь! – велел он, наклонившись и открыв для нее дверцу.

– А, это вы! – сказала она странным размягченным голосом.

– Немедленно садитесь! Как вас там? Поля?

Она полезла в салон, стукнулась головой и, ойкнув, повалилась на сиденье.

– Скажите спасибо, что у меня закончились сигареты, – ворчливо сообщил Никифоров, хотя сигарет у него был полный чемодан. Когда он собирался запойно работать, это было первое, чем он запасался.

– Спасибо, – с трудом выдавила из себя Полина, хотя ей не хотелось принимать от него милостей. Вчера он ясно дал понять, чтобы она ни при каких обстоятельствах не показывалась

ему на глаза. А она не послушалась и вытащила его прямо из постели, а теперь еще злоупотребляет, катаясь в его машине. Машина была красивой и большой, Полина понятия не имела, какой она марки, а спрашивать постыдилась.

– Ну? – спросил Никифоров. Настроение у него неожиданно улучшилось. – Как там привидение? Вы что-то такое говорили по поводу вашего с ним знакомства.

– Оно живет в соседнем доме, – светским тоном ответила Полина и обмахнулась рукой.

От нее исходил жар, как от кастрюльки супа, только что снятой с плиты. Никифоров внимательно смотрел на дорогу, но краем глаза следил за тем, что она делает.

– Неужто оно утром вылетело вам навстречу? – хмыкнул он, не зная, что и думать.

Не может быть, чтобы у девицы не хватало винтиков в голове, а он до сих пор этого не понял. На его взгляд, она была нормальная – нормальнее некуда. Только какая-то неустроенная, что ли. Он испытывал к ней примерно такое же чувство, как к приبلудной кошке, которая накануне Нового года замерзала на улице и беззвучно открывала розовый рот, и он взял ее домой, потому что знал, что мысль об этой погибающей кошке испортит ему праздник. Теперь она растолстела, как свинья, и спала на его подушке.

Нельзя позволить, чтобы рыжая девица села ему на голову. «Иначе она тоже растолстеет и тоже будет спать на моей подушке», – мрачно усмехнулся он про себя. Нет, ни за что! Когда она наполнит свою доисторическую сумку продуктами, он отвезет ее обратно и забудет о ней раз и навсегда.

– Понимаете, – принялась объяснять Полина про привидение. – Ведь не может быть, чтобы один и тот же человек находился в двух местах одновременно? Я вышла и увидела мужчину в саду. А потом шагаю по дороге – а он идет мне навстречу. Вот я и подумала: это просто мистика какая-то! Тут я вспомнила про то, что случилось ночью и... Вы мне не верите?

Никифоров трясся от беззвучного смеха.

– Это были близнецы Дякины! – пояснил он удивленно таращившейся на него Полине. – Николай Леонидович и Иван Леонидович.

– Боже... – пробормотала она, прикрыв ладошкой глаза. – А зачем они одинаково одеваются?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Наверное, нравится дурить людям голову.

– Фу, просто камень с души. – Она помолчала и твердо добавила: – Но ночью по саду все равно что-то летало. Может быть, близнецы Дякины тоже видели *это*?

– Вот вы вернетесь и сами у них спросите, – весело ответил Никифоров, одной фразой отсекая себя от расследования случая с летающим привидением.

Они подкатили к магазину, и Полина сразу вылезла из машины, вспомнив, что с таким же настроением в детстве сходила с карусели. Было здорово, но, увы, все позади. Впрочем, она может рассчитывать еще на один круг, ведь им предстоит возвращаться обратно.

Никифоров купил пачку сигарет, потому что уже наврал про них. Он терпеть не мог «Мальборо», но все остальные вообще никуда не годились. Еще он попросил у дородной продавщицы маленький пакетик сока и, воткнув в него трубочку, встал возле подоконника, мрачно наблюдая, как отоваривается его попутчица. Она купила две буханки черного хлеба, банку сайры, три килограмма картошки, пачку чая, пачку сахара, соль и пакет овсянки. Потом немного подумала и присовокупила к этому добру бутылку подсолнечного масла и двести граммов костромского сыра. Повернулась к нему, довольная, и заявила:

– Все, я готова!

– Угу, – сказал Никифоров, стесняясь своего сока так, как будто он его украл. – Выходите на улицу, я еще воды куплю. Вам купить?

Она на секунду задумалась, потом по-королевски кивнула, разрешив:

– Да, пожалуй, купите и для меня.

Никифоров усмехнулся и попросил несколько маленьких бутылочек воды – сладкой и несладкой. Он не представлял, какая ей больше понравится. Тут же одернул себя и сердито подумал: «Мне-то что за дело?».

Ее жуткую сумку он поставил на заднее сиденье, а не в багажник, чтобы после не вылезать из машины и не провожать ее до двери. Пусть вылезает сама. Он подвезет ее, пожелает всего хорошего – и баста.

– Вы ведь знакомы с этими братьями Дякиными? – поинтересовалась Полина, отвинчивая крышечку «Спрайта» и зачем-то нюхая воду.

– Номинально. Я недавно стал сюда наезжать, – пожал плечами Никифоров. – Дом купил давно, а ездить стал недавно.

Конечно, он не будет ей рассказывать всю историю в подробностях. Про то, как жена скрутила его в бараний рог и заставила зарабатывать и вкладывать деньги во все, что только приходило ей в голову. При разводе лучшую половину приобретенного она с удовольствием забрала себе. Никифорову достался гнилой домишко вот в этом самом дачном поселке, на месте которого он в прошлом году построил себе коттедж. Здесь почти все так делали, поэтому вдоль улицы вперемешку стояли старые дома и новые. Новых было меньше. Поэтому нормальную дорогу еще не проложили, и фонари по ночам не горели. Охрана уже была, а до фонарей дело так и не дошло.

– Спасибо, вы меня очень выручили, – сказала Полина, когда он остановился напротив ее дома и ждал, пока она вытащит сумку с заднего сиденья. – Правда-правда. Так бы я не знаю, сколько шла. Это действительно оказалось очень далеко.

Она уже достала продукты, но все еще продолжала держать дверцу, тараторя слова глубокой благодарности. На лице Никифорова появилось выражение досады. Полина проглотила последнюю фразу, захлопнула дверцу и быстро вошла в калитку, приказав себе не оглядываться. Пропали он пропадом, этот Андрей Андреевич! Ей с ним неуютно. Она не знает, как ведут себя с такими мужчинами. Вообще не знает, как ведут себя с молодыми мужчинами. Как вести себя со стариками, она знала отлично. К сожалению, стариками ее жизненный опыт и исчерпывался.

Итак, что сначала – еда или допрос Дякиных? Выпитый «Спрайт» создавал некую иллюзию сытости, поэтому Полина решила первым делом поговорить с соседями.

– Простите! – крикнула она, увидев одного из братьев в саду. – Можно у вас спросить? Меня зовут Полина.

– А меня Николай Леонидович, – ответил усатый и подошел поближе к низкому заборчику, разделявшему участки. – Очень приятно, барышня, что вы теперь наша соседка. Мы здесь вместе с братом живем, Иваном. Домик только что купили. Тут все продают – земля вздорожала знаете как? Вот народ, какой победнее, и начал продавать. На эти деньги можно купить себе участок подальше от Москвы да еще домик отгrophать, верно? А здесь селятся те, кто посolidнее.

– Очень хорошо, – сказала Полина, едва дослушав. – Николай Леонидович, вы этой ночью ничего не видели?

– Видеть не видел, – усмехнулся тот, – но, конечно, кое-что слышал.

– Что? – заинтересовалась она.

– Ужасные женские крики, вот что.

Полина немедленно залилась креветочным румянцем. С трудом переборов себя, она переспросила:

– А в сад вы не выглядывали?

– Конечно, выглядывали. И даже выходили. Шутка ли – такой крик! Оказалось, это Андрей Андреевич что-то там такое выкаблучивал. С дамами.

– А вот здесь, в саду, вы ничего странного не заметили? – Дякин посмотрел на нее удивленно, и она поспешно добавила: – Мне показалось, тут что-то такое летало ночью.

– Может, сова летала, – беспечно отозвался сосед.

– То есть вы ничего не видели, – вздохнула она. – А я, знаете, видела и испугалась.

– Да что вы, барышня! Полина, – поправился Дякин. – Чего тут бояться? Тут люди кругом, охрана. Это вы зря, голубушка!

Полина и сама знала, что она это зря, но ничего не могла с собой поделать. Привидение стояло перед ее глазами, как живое. А что же еще, как не привидение? Допустим, можно надеть на себя пододеяльник и побегать по саду, размахивая руками. Но летать? При чем так высоко? Эта штука висела даже выше второго этажа, и она двигалась, шевелилась!

Полина отправилась домой, наварила овсянки и наелась досыта. Потом попила чаю и решила поспать, пока не стемнело. Пожалуй, ночью она почитает книгу. Вряд ли она заснет, зная, что привидение может появиться во второй раз. Закупориться в доме не получится – на улице такая жара, что спать с закрытым окном способен только самоубийца.

Проснувшись она после полуночи. Нынешняя ночь, в отличие от предыдущей, выдалась светлой. Серебряная, до блеска начищенная луна таращилась из окна, и сад был похож на пруд, наполненный прозрачной водой. Полина долго озидала окрестности, но не заметила ничего подозрительного. И тишина вокруг стояла такая, что в ушах звенело. Поэтому когда у нее внезапно заурчало в животе, звук показался громоподобным. Она вспомнила про купленную провизию и отправилась на кухню. Сварила котелок картошки, полила ее маслом и подумала, что для полного счастья не хватает горсточку укропа. Она бы бросила эту горсточку прямо внутрь котелка, потрясла бы его изо всех сил – и картошечка получилась бы такой ароматной, что пальчики оближешь.

Тут же она вообразила себе ту грядку с укропом, в которую свалилась давешней ночью. Грядку была чужая. «В конце концов, не убудет от него, если я сорву одну веточку! – подумала Полина, представив себе спящего Никифорова. – Интересно, он храпит во сне?». Конечно, лучше было бы попросить. Но если она явится к нему во втором часу ночи с подобной просьбой, он выстрелит в нее из какого-нибудь старинного пистолета, висящего над кроватью. Можно, конечно, обойтись и без укропа. Но просто картошка с маслом – это совсем не то, что картошка с маслом и укропом!

Пока совесть боролась в ней с искушением, Полина смотрела на темные окна Никифоровского дома. Наконец, стало ясно, что, если она ничего не предпримет, ужин остынет и все ее терзания окажутся напрасными. Она вылезла через окно на улицу и короткими перебежками двинулась в сторону заветной грядки.

Никифоров не спал. Он просто погасил свет, сидел в кресле и думал. Это был его личный стиль работы. Лучший способ сосредоточиться – посидеть в тишине и темноте, зная, что никто тебя не потревожит. Не зазвонит телефон, не раздастся стук в дверь, не залает собака. Потом он ляжет спать, а утром включит компьютер и зафиксирует результат.

Никифоров не сразу понял, что в саду кто-то есть. Он немедленно сбился с мысли и напрягся. Еще бы! Ему целые сутки долдонили про привидение, напряжешься тут. Впрочем, кто бы это ни был, на роль призрака он не тянул. Видно было плохо, потому что неизвестный не выходил на открытые участки. «Надеюсь, это не бандит какой-нибудь, – подумал Никифоров с тревогой. – И он не прихлопнул рыжую дурочку-соседку». Неизвестный между тем лег на живот и пополз в направлении его дома. Этого еще не хватало.

Он метнулся к окну и прижался носом к стеклу. Через несколько минут стало ясно, кто к нему ползет. Интересно, что она задумала? Затаив дыхание, Никифоров вглядывался в сад. Глаза начали слезиться, но он не обращал на это внимания. Девушка доползла до единственной возделанной грядки, замерла на некоторое время, потом поползла обратно. И как прикажете это понимать?

Основательно извалявшись в пыли, Полина лежала перед низкорослым укропом и думала: «До чего я докатилась! Ворую зелень по чужим огородам!». Ей стало так стыдно, что даже защипало в носу. Впрочем, попросить тоже было стыдно. Случалось, она с поварихой из дома престарелых ходила на рынок и выпрашивала у торговцев подгнившие фрукты. И ни капельки не стыдилась, потому что просила не для себя, а для стариков. Чтобы у них были хоть какие-то витамины, пусть даже в компоте из подпорченных яблок. С укропом дело обстояло сложнее. Это было своего рода излишество, без которого она вполне могла обойтись.

Не сорвав ни одного укропного венчика, Полина с легким сердцем поползла обратно. Открыла котелок, взяла вилку и вздохнула. Нет, зря она все-таки вернулась с пустыми руками. Кому нужна ее пионерская честность? Никифорову? Она снова вылезла в окно и присела. Ползти на животе больше не хотелось – хлопотное дело! Поэтому она отправилась к грядке на четвереньках.

Сказать, что Никифоров изумился, увидев пробирающуюся обратно на четвереньках Полину, значит, не сказать ничего. Он был дико озадачен и никак не мог понять цель ее партизанских вылазок. Она снова добралась до грядки, покопошила в ней и отправилась назад, похожая издали на большую собаку. Укроп она несла в зубах, но заметить это с большого расстояния, конечно, было нельзя.

«Да разве я получу удовольствие от картошки с ворованным укропом?» – подумала между тем Полина и повернула обратно. Добралась до грядки, пристроила сорванное растение где-то сбоку, поднялась на ноги и отряхнула ладони. И тут услышала стон.

Никифоров тоже услышал стон. К этому времени он уже вооружился фонариком и открыл дверь, намереваясь подкрасться поближе, ослепить ее мощным лучом и выяснить, чем же все-таки занимается эта рыжая штучка? Стон раздавался из ее дома. По крайней мере, ему так показалось. Он был не слишком громким, но пугающим. Без сомнения, стонала женщина, причем делала это с такой жалобой, с такой мукой в голосе, что у Никифорова против воли сжалось сердце.

Полина, которая дошла уже почти до самого окна, немедленно попятилась.

– Эй! – негромко позвал Никифоров, возникая за ее спиной. – Не вздумайте визжать, как вчера, иначе охранники нас четвертуют, застав вдвоем. Это я, Андрей Андреевич.

– Вы слышите? – спросила Полина, повернув к нему потрясенное лицо. – Эти стоны?

– Слышу, – кивнул тот. – Где это? В вашей спальне?

– Я не знаю, – дрожащим голосом ответила Полина. – Но я ведь тут одна.

«Вот ужас, – подумал он. – Позвать охрану, – значит, опозориться перед девицей. Кроме того, пока он будет звать, она от ужаса поседеет. Придется снова проверять самому». Он оттеснил Полину плечом и спросил:

– Думаете, стоит захватить с собой какое-нибудь оружие?

Поглядев на нее повнимательнее, он понял, что она ничего не думает. В ее глазах стоял тот самый ужас, из-за которого она вчера выпрыгнула из окна. «Да уж, дело темное», – подумал Никифоров и, подхватив маленькую лопатку, валявшуюся возле крыльца, отправился осматривать дом. Полина, словно преданная собачонка, побежала за ним. Когда они обследовали оба этажа и уже спускались по лестнице, стоны возобновились.

– Мне кажется, это на чердаке, – заметил Никифоров, замерев на месте. Он поднял голову и прислушался.

По чердаку кто-то ходил. Шаги были слышны отчетливо, и пол громко скрипел.

– По крайней мере, это не привидение, – заявил он. – У привидения нет тела, поэтому пол под его весом скрипеть не может. Вы ведь слышали скрип?

– Да, – закивала головой Полина.

– Значит, там человек.

– Ходит и стонет? – с сомнением спросила она. – Женским голосом?

– Вероятно, это и есть женщина, – ответил Никифоров, переходя на шепот. – Давайте подкрадемся, и...

Он на цыпочках взлетел по маленькой лесенке под самую крышу, прыгнул к чердачной двери, толкнул ее плечом и ввалился внутрь, держа лопатку наготове. На чердаке никого не было. Луч фонарика сплясал зажигательный танец на потолке, потом переместился на стены, пронесся по полу.

– Смотрите! – велел Никифоров, присев на корточки. – На полу пыль. – Он медленно провёл лучом по деревянному настилу. – Не древняя, надо сказать, пыль, но нетронутая. Значит, сегодня здесь не было никого живого.

– Мапочка! – пискнула Полина, подошла сзади и двумя руками вцепилась ему в плечи. – Выходит, это все-таки привидение?!

– Выходит, – пожал плечами Никифоров и, отцепив ее руки, поднялся. – Кстати, тут окно открыто.

Он подошел к небольшому окошку и высунул в него голову. Некоторое время обзирал окрестности, прислушивался, но ничего необычного не заметил.

– Оно улизнуло, – уверенно заявила Полина. – Теперь я поняла, что вчера видела его как раз на такой высоте.

– На какой – такой?

– Как если бы оно вылетело из этого окна. Видимо, оно тут живет.

– Да-да, а вчера оно отправилось полетать по саду! – пробормотал Никифоров.

Естественно, в привидений он не верил, но все выглядело действительно странно. Гуськом они спустились на первый этаж и остановились возле входной двери, не зная, как быть дальше. Дом был осмотрен сверху донизу.

– Кстати, – спохватился Никифоров, радуясь, что больше не слышно стонов и шагов. – Что вы делали в саду в эдакую пору? Ночь, темно и вообще... Ночью люди спят.

– Я выпалась днем. И как раз собиралась ужинать, – Полина мотнула головой на котелок, сиротливо стоящий на салфетке.

– У меня что-то в горле пересохло, – перебил Никифоров. – У вас не найдется глотка воды? Из-под крана?

– Да-да, конечно! – пискнула она и метнулась на ярко освещенную кухню.

На самом деле Никифоров специально услал ее, чтобы посмотреть, чем она ужинает. Его просто распирало узнать, какое блюдо можно приготовить из столь скудного набора продуктов. Едва она вышла, он приподнял крышку и уставился на желтую, тщательно выскобленную картошку. Банка сайры, вероятно, была припасена для особого случая.

– Вот, – сказала Полина, еще издали протянув ему стакан.

– Большое спасибо! Вкусная вода, – солгал Никифоров, который уже несколько лет не пил воду из-под крана из страха, что его желудок в конце концов покроется накипью.

Он бросил еще один взгляд на котелок, и ему немедленно захотелось одарить соседку пачкой сосисок в вакуумной упаковке или, на худой конец, куском колбасы, но он переборол это желание, напомнив себе, что не в его силах накормить всех голодных.

– И что же мне теперь делать? – спросила Полина, принимая дрожащей рукой пустой стакан.

– Ну, не знаю... – выпятил губу Никифоров. – Думаю, это был обман слуха. Стонали не у вас на чердаке, а где-то на улице. Может, за дорогой, на лугу. Вы ведь в курсе, что ночью звуки разносятся очень далеко?

Полина отрицательно покачала головой – она совершенно точно была не в курсе.

– Я не смогу здесь спать, – жалостливым голосом сообщила она.

Никифоров немедленно осерчал. Так говорила его бабка про деда, когда тот, крепко выпив, колотил кулаком по столу: «Он осерчал». Колотить кулаком по чужому столу Никифо-

ров посчитал неуместным, но голос его тем не менее стал жестким. Ведь ее безвыходное положение было не чем иным, как покушением на его личную свободу!

– Если вам здесь страшно, возвращайтесь домой. Насколько я понял, вы приехали погостить к кузине, не так ли?

– Ну да, – ответила Полина, прочитав на его лице все, что он не произнес вслух. – Спасибо вам за помощь. Спокойной ночи.

– Так что вы делали в саду? – уже на пороге обернулся Никифоров. – Я видел, как вы ползали туда-сюда, словно связной через линию фронта.

Полина, которая готова была разреваться и сдерживалась из последних сил, быстро ответила:

– Хотела позаимствовать у вас зелени к ужину, но, поскольку вы уже спали, передумала брать без спроса.

– А! – сказал Никифоров, не представляя себе, какие нравственные муки стояли за этой лаконичной фразой. – В другой раз можете взять, сколько захочется.

Он удалился через парадный вход, обогнул дом и направился к своему собственному, переживая, что, уходя, не запер дверь и к нему тоже могло что-нибудь залететь. Зажег свет, походил по комнате, заложив руки за спину, потом налил себе кефиру и выпил его, заедая сдобной булкой. Почистил зубы, погрузил комнату в темноту и снова уселся в кресло. Прошло не больше пары минут, когда рыжая девица появилась в саду. В одной руке она держала свечу, вставленную в стаканчик, в другой – кухонную табуретку.

Никифоров мрачно наблюдал, как она установила табуретку посреди лужайки, опустила свечу на землю и уселась, сдвинув колени и положив на них ручки. Ясно, что ночевка в доме не входила в ее планы. «Ну и черт с ней!» – подумал он, досадуя, впрочем, что теперь ему точно не удастся поработать. Разве можно сосредоточиться, когда она торчит прямо перед глазами? Нет бы устроиться с той стороны дома, где дверь напротив близнецов Дякиных! Но она предпочла явиться сюда.

Чтобы раз и навсегда покончить с ролью няньки, Никифоров ушел в дальнюю комнату, закрыл дверь и лег спать. И заснул, и спал сладко, и утром поднялся свежим, в прекрасном настроении. Кроме работы, дел у него никаких не было, и он весь день работал, изредка поглядывая в окно. Соседка не показывалась. Вероятно, после ночного бдения ее свалил сон, и она вмертвую валялась на диване.

Наконец, стемнело, но свет в ее доме почему-то не загорелся. «Может, пока я спал, ей опять явилось привидение и она умерла от разрыва сердца?» – подумал Никифоров с веселым ужасом. В этот момент за забором, возле своей калитки, он увидел одного из близнецов Дякиных. Тот немного повозился с задвижкой и проник на его территорию.

– Можно к вам, Андрей Андреич? – спросил он, бодро пройдя через сад и постучав в дверь. – Вы не спите?

– Не сплю, – ответил Никифоров и, открыв, уточнил: – Иван Леонидович?

– Николай, – хихикнул тот.

– Вас довольно легко перепутать. Извините.

– Мы, братья Дякины, похожи друг на друга, как кукурузные зерна.

– Да-да, – подтвердил Никифоров, задумавшись на секунду. Потом встрепенулся и поинтересовался: – Вы что-то хотели спросить?

– Ну! – ответил Дякин, просачиваясь внутрь, хотя Никифоров не собирался демонстрировать гостеприимство в столь поздний час. – Андрей Андреич, у вас фонарик есть?

– Естественно, – пожал тот плечами. – Какие-то проблемы?

«Никак они с братцем тоже собираются охотиться за привидением? – подумал он про себя. – Может, они его все-таки видели?».

– В гараже свет перегорел, – объяснил Дякин, – а у нас фонарь сломался.

– Если принесете его, я попробую починить.

– Не получится, – развел тот руками. – Мы случайно корпус помяли.

Никифоров добыл из ящика стола фонарь и сказал:

– Вот, возьмите.

Дякин схватил его, повертел в руках и поинтересовался:

– А помощнее нет?

– Не-а, – покачал головой Никифоров.

– А покомпактнее?

– Больше никакого нет.

– Ладно, – сказал Дякин. – Спасибо. Думаю, до завтра он вам не понадобится?

– Надеюсь, что нет, – ответил Никифоров, мельком подумав о привидении. Если он не собирается ловить эту дрянь, – а он не собирался! – то фонарь ему не нужен.

Однако отсутствие света в соседнем доме действовало ему на нервы. «Схожу, посмотрю, что с девицей, и займусь, наконец, делом», – решил он и отправился на разведку.

Она сидела на нижней ступеньке крыльца, прижав к груди маленькую кастрюльку, и поедала что-то отвратительное, серое, зачерпывая это большой оловянной ложкой. В сгустившихся сумерках ее волосы казались темными, а лицо ненатурально розовым, словно кусок земляничного мыла.

– Привет, – сказал Никифоров. Остановился поодаль, засунул руки в карманы и пытливо поглядел на нее. – Что это вы сегодня такая... скучная?

– Неважно себя чувствую, – через силу ответила Полина.

– Грипп?

– Долго просидела под солнцем. Просто кожа обгорела...

Он подошел поближе, согнулся пополам и посмотрел повнимательнее. Потом присвистнул и похлопал ее по плечу:

– Это вы хорошо позагорали!

Едва он к ней прикоснулся, как Полина взвизгнула и чуть не выронила свою кастрюльку.

– Больно! – воскликнула она и пересела на ступеньку повыше.

– Да вы, Поля, вся пылаете! – сердито сказал Никифоров и засопел.

Эта идиотка совершенно не способна сама о себе позаботиться! Черт его дернул нагрянуть к ней с инспекцией.

– Вы делали что-нибудь?

– А что я могу сделать? – равнодушно спросила она.

– Ну... Я не знаю. Если нет мази, надо спастись народными средствами. Обмазаться кефиром или сметаной...

Тут он вспомнил, что у нее нет ни того, ни другого, и замолчал. Полина зачерпнула ложкой свое варево и отправила его в рот. Он откровенно поморщился:

– Что за дрянь вы едите?

– Овсянку.

Никифоров подумал, как это она еще не отощала на таком богатом рационе? «Ладно, – решил он. – Последняя жертва с моей стороны. Я ее накормлю, напою, обмажу сметаной и положу спать. А утром уговорю вернуться домой – где она там живет? Помогу собрать вещи, посажу в машину и лично транспортирую до квартиры. Потом вернусь сюда и заживу, как раньше».

– Знаете, у меня есть сметана, – сообщил он. – И кефир есть. И горячий чай. И вообще я приглашаю вас на ужин.

– Спасибо, я уже поужинала, – ответила Полина бесцветным голосом.

– Да? – Никифоров рассердился. Он придумал такой отличный план, а она вон что. – Ну, тогда спокойной ночи.

Он кивнул и отправился восвояси. Повернул за угол и остановился, потому что ему показалось, что в дальних кустах что-то шевелится. Прошла минута, но шевеление не повторилось. Зато он услышал, как девица неожиданно заревела. Она ревела так горько, со всхлипами, что он тотчас же решил вернуться.

– Ну, вот что, – строго сказал он, материализовавшись из серого сумрака. – Кончайте рыдать и пойдете. Я бы взял вас за руку, но, боюсь, у вас случится болевой шок.

Уговорами он довел ее до своей двери и, отняв кастрюльку, поставил на землю.

– Кошки съедят! – пояснил он. – Хотя вряд ли их это соблазнит. Подождите, я сейчас свет включу.

Когда он зажег свет и завел ее в комнату, ему едва не сделалось дурно. Рыжая дурочка выглядела так, будто с нее живьем содрали кожу. Никифоров усадил ее на стул, достал из холодильника сметану и принялся за дело.

– Ну, вот, – сказал он, завершив свой титанический труд. – Вы стали похожи на вареник. Кстати, забыл спросить: что вы любите? В смысле, что приготовить на ужин? Омлет или отбивные? Или хотите рыбы?

– Омлет, – тотчас ответила она. – Или отбивные. А можно и рыбу.

– Ясно, – пробормотал Никифоров. – Картошку и овсянку не предлагать. Все остальное годится.

Он раскалил масло на сковороде, бросил туда замороженные отбивные, посыпал их луком и принялся готовить салат. Потом подумал и решил сделать еще и омлет – вдруг она не наестся? Полина сидела на стуле, вся в стекающей сметане, и смотрела, как он кашеварит. Когда Никифоров поставил перед ней мясо, она едва не захлебнулась слюной. Однако заставила себя есть медленно, чтобы не выглядеть, как какая-нибудь Каштанка.

Потом он уложил ее спать в соседней комнате на диване и оставил включенным торшер, и дверь не закрыл, как маленькой. Почему это она решила, что он неприятный тип? Спать хотелось смертельно. «Что подумает Люда, когда вернется?» – возникла в ее голове нежизнеспособная мысль. Мысль немного помедлила и увяла окончательно. Полина закрыла глаза и тотчас же погрузилась в сон.

«Вероятно, рыжей дурочке сегодня не удастся заснуть», – подумал Никифоров, вспомнив поросячий цвет ее кожи. Однако когда он прошел мимо открытой двери в комнату, то услышал мерное посапывание. Хмыкнул, взял сигареты, блокнот и вышел на улицу. Теперь можно и поработать. Девица вырубилась, а она-то и была самым главным раздражителем. Он уселся в плетеное кресло и прикрыл глаза. Время от времени брал ручку и почти вслепую делал кое-какие пометки. Прошло несколько часов, и блокнот пришлось отложить, потому что поселок погрузился в ночь, словно в кофейную жижу. Луна и звезды захлебнулись в ней и, вероятно, ушли на дно. Было темно и тихо, и сладко пахло травами. Никифоров поднялся, изо всех сил потянулся, хрустнув костями...

И тут снова услышал стон. Стон, как и в прошлый раз, был негромким, но безумно жалобным. И доносился он со стороны пустого дома. Повинуясь внутреннему импульсу, Никифоров нащупал ногой приступочку, спустился в сад и осторожно двинулся вперед. Миновал укроп, по памяти обогнул яблони... Чем ближе он подходил, тем явственнее становился голос. Так может стонать человек, измученный болью. Или пытками?

Никифоров на цыпочках завернул за угол и... увидел привидение. Волосы на его голове встали ежиком. Он невольно отшатнулся, но не убежал, а задрал голову вверх и открыл рот. «Этого не может быть!» – немедленно подумал он и попятился. Привидение выглядело замечательно. Оно переливалось, трепетало и даже поблескивало. На конкурсе привидений оно могло бы завоевать приз зрительских симпатий. Оно висело над садом, высоко, неподалеку от того самого чердачного окна, в которое недавно высовывался Никифоров. Вернее, оно не висело, а медленно плыло прочь от этого окна.

Полина не преувеличивала – привидение оказалось здоровым, толстым и колыхалось, словно кусок желе. Никифоров присел на корточки и, не сводя с него глаз, пошарил вокруг себя. Весьма кстати ему под руку попала сосновая шишка. Он выпрямился во весь рост, хорошенько прицелился и, крикнув, изо всех сил швырнул шишку высоко вверх. Вероятно, попал, потому что услышал характерный звук удара. Привидение тотчас раздалось вширь и завибрировало, после чего прибавило скорости и довольно резво полетело дальше.

Никифоров не мог сказать, что с ним случилось потом. Оно поменяло форму, взметнулось ввысь, словно белый огонь, а затем со странным мягким хлопком исчезло. Никифорову стало здорово не по себе, и он, недолго думая, потрусил домой, вытянув вперед руки, чтобы не налететь на какое-нибудь дерево. Единственным ориентиром ему служил прямоугольник света, падавший из окна той комнаты, где спала Полина.

– Вот это да! – сказал он вслух, добравшись до дома и немедленно заперевшись на замок. – Что же это было-то?

Он выкурил подряд две сигареты, но так ничего и не придумал. Сел в кресло и через некоторое время неожиданно задремал, успев порадоваться, что в доме, кроме него, есть еще одно живое существо. Именно оно и разбудило его утром.

– Это вы из-за меня, – спросило существо, – спали сидя?

Никифоров выпрыгнул из своего сна и теперь смотрел на Полину дикими глазами. Она была похожа на розового фламинго. Или нет, все-таки больше на поросенка.

– Сегодня ночью я видел ваше привидение, – немедленно сообщил он.

– Видели? – ахнула та. – Оно что, прилетало сюда?

– Да нет, ему больше нравится *ваш* сад.

– И что вы сделали? – спросила она, надеясь, что он, как настоящий рыцарь, изрубил врага мечом и развеял прах по ветру.

– Я кинул в него шишкой, – сообщил рыцарь.

– Кинул шишкой?! – не поверила Полина. – И что?

– И все. Оно бросилось улепетывать, а потом сделало «Ф-р-р!» – и пропало.

– А как же теперь я? – спросила она таким тоном, как будто Никифоров был охотником за привидениями, которого она наняла сражаться с фамильной нечистью, а он не справился с заданием.

Никифоров немедленно вспомнил план, который наметил вчера и уже начал воплощать в жизнь. Вероятно, это привидение летало здесь и раньше, до приезда рыжей девицы. И оно не мешало ему работать. А она – мешает.

– Думаю, вам не стоит здесь больше оставаться, – сказал он, глядя на нее с печальной серьезностью. – Давайте мы сейчас позавтракаем, затем вместе соберем ваши вещи, и я на машине отвезу вас домой. Устраивает?

Полина отвела от него глаза и уставилась в окно. По выражению ее лица Никифоров понял – что-то неладно.

– Понимаете, – наконец промямлила она. – Я уволилась из дома престарелых.

– Вы в самом деле там жили? – не поверил он.

– Нет, у меня комната в коммунальной квартире. Но Люда обещала устроить меня на работу к себе в клинику. И жить я собиралась здесь.

– И что? – не понял Никифоров.

– Я сдала комнату жильцам. Они уже въехали.

– Но вы же не можете поселиться у меня! – воскликнул он. – Я вам никто, посторонний дядя!

– Я не собиралась у вас селиться! – отшатнулась от него Полина. – Я вчера вообще не хотела к вам идти.

– Но вы ревели!

– Ну и что? Какая разница? Могли бы не обращать внимания. Вы ведь посторонний дядя! Они злобно уставились друг на друга.

– Ну, вот что, – первым не выдержал Никифоров. – Раз вам некуда ехать, необходимо немедленно раскрыть тайну этого привидения и водворить вас на законную территорию.

– Предлагаете заявить в милицию? – спросила Полина.

– Шутите? Чтобы в него поверить, его надо увидеть. Не думаю, что милиция согласится устроить в вашем саду засаду. Кроме того, не стрелять же в привидение из табельного оружия, верно?

– Но кто же тогда во всем разберется?

– Я, – скромно сказал Никифоров и по обыкновению вытянул губы трубочкой.

– А вы сможете? – с сомнением спросила она.

– До сих пор я не ставил перед собой такой задачи. Думаю, справлюсь. Надо просто посидеть и хорошенько подумать.

Он решил заняться этим после завтрака. А пока сварил кофе, вытащил на стол всякую всячину и велел ей хорошенько жевать. Она жевала и так при этом жмурилась, что Никифорову тоже все показалось ужасно аппетитным – и душистый сыр, и нежная колбаса, и сочная белая рыба, и остальная снедь, которую одному есть было не так вкусно.

– А вы кто? – спросила Полина, наливая себе после второй кружки кофе горячего чайку.

– Математик, доктор наук.

– Да-а? – искренне изумилась та. – Значит, у вас жена богатая?

Утром в шкафу она обнаружила женский халат и шлепанцы с итальянской нашлепкой на пятке.

– Я сам неплохо зарабатываю, – усмехнулся Никифоров, не уточнив при этом, женат он или нет.

Однако через несколько минут Полине представился случай это выяснить. Она спросила, нельзя ли воспользоваться его расческой, и он ответил:

– Возьмите вон в том ящике.

Сам же вытащил из пачки сигарету и вышел на веранду. Полина выдвинула ящик и увидела рядом с расческой паспорт. Сначала она полюбовалась на его смешную фотографию – белая рубашка, галстук, кривая ухмылка. Потом не удержалась и посмотрела, где прописан ее новый знакомый. В конце концов, она у него ночевала. Доверила ему себя. Он жил в Москве, на улице Лизы Чайкиной, и не состоял в браке. Значит, халат и шлепанцы незаконно заняли место в его шкафу.

Полина кое-как расчесала волосы и тоже выскочила на улицу. Никифоров развалился в плетеном кресле и курил, так жадно затягиваясь, словно дым был необходим ему больше, чем воздух.

– Вы когда-нибудь имели дело с аномальными явлениями? – спросила она его.

– Конечно, нет!

– И не участвовали ни в каких расследованиях?

– Тем более нет.

– Тогда почему вы так самоуверенны? – не отставала она. – Вы заявили, что раскроете тайну привидения.

– Раз заявил, значит, раскрою, – не глядя на нее, ответил Никифоров. – Все в этом мире поддается объяснению. Главное – знать, куда позвонить.

– Что вы имеете в виду? – изумилась Полина.

– Я имею в виду, что мне необходимо сделать один телефонный звонок. Надеюсь, этого окажется достаточно.

– Для чего?

– Для того, чтобы разоблачить привидение! – нетерпеливо пояснил он и поднялся. – Сидите здесь. Никуда не уходите и не лезьте под солнце, ради всего святого. Смотреть на вас больно.

Он ушел в дом и появился только минут через сорок с невероятно довольной физиономией.

– Осталось договориться с охранником, и можно приступать к разоблачению, – заявил он важно.

– Ка-ак? – опешила Полина. – Вы что же, станете его ловить?!

– Надеюсь, нам не придется за ним гоняться. Охранника я как раз хочу позвать для устрашения. В общем, я все уже знаю, кроме некоторых деталей.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказала Полина, взявшись рукой за лоб. – Как вам это удалось?

– Логика, – небрежно пожал он плечами. – С помощью логики все может быть открыто и разрешено. Благодаря ей нетрудно разделаться со всяким страхом и с любой фантазией.

Он оставил Полину в растерянности бродить по комнате, а сам отправился за калитку. Впрочем, вернулся довольно скоро, ведя за собой охранника и близнецов Дякиных. Оба были в джинсах и клетчатых рубашках, одинаково причесаны и одинаково улыбались.

– Здравсьте! – поздоровалась со всеми сразу Полина, громко сглотив. Она понятия не имела, как будут развиваться события, и чувствовала себя довольно глупо.

– Добрый денек! – радостно ответил один из близнецов и, лукаво ухмыльнувшись, сообщил: – Я – Николай Леонидович.

– А я – Иван Леонидович, – добродушно подхватил второй.

– Ты, Витя, посиди на веранде, – сказал охраннику Никифоров, и тот немедленно отправился, куда велено. – А вы, – обратился он к Дякиным, – садитесь на диван.

– Хотите у нас что-то узнать, Андрей Андреич? – прогудел тот из близнецов, который назвался Николаем Леонидовичем.

– Очень хочу! – подтвердил сыщик-любитель. – Хочу спросить, какого черта вы устроили спектакль с привидением?

– Мы?! – хором воскликнули Дякины. – Какой спектакль?! Да мы ни сном ни духом...

– Ну, конечно! – рявкнул Никифоров. – У девушки чуть не случился нервный припадок. – Он дернул подбородком в сторону Полины, и та подумала, не следует ли ей забиться в судорогах. – Даже мне стало слегка не по себе, когда я увидел, как вы летали над садом. Или вы, – он переводил глаза с одного близнеца на другого.

– Шутите, Андрей Андреич! – обиделся Иван Леонидович. – Это только Копперфильд летает, а мы, простые смертные, все больше ножками по земле.

– Да-а? – протянул Никифоров. – Вы себя ни с кем не перепутали?

Он подошел к столу, выдвинул ящик и добыл из него какие-то распечатки. Сунул их Полине в руки и приказал:

– Читайте вслух. И вам тотчас все станет ясно.

Полина устроила листы поудобнее и послушно прочла:

– Корреспондент журнала «Путешественник» из Самары. «На празднике выступали и другие известные артисты. Циркачи Сметанниковы представили традиционную культуру хождения по канату: с завязанными глазами, в тазике, на табуретке, „колесо“ и „ласточку“. – Она подняла голову и растерянно поглядела на Дякиных.

– Ну, что же вы? – подбодрил Никифоров.

– Газета «Вечерний Бишкек» пишет, – продолжила она. – «На наших глазах тринадцатилетний воздушный акробат Лочинбек Хаджиматов творил на канате чудеса. И в подарок себе и зрителям юный акробат преподнес новинку – хождение по канату в мешке». – Она прервала чтение и воскликнула: – Что вы хотите сказать? Что кто-то из этих людей...

– В безлунную ночь, – подхватил Никифоров, – ходил над садом по канату. – Он вытянул вперед руку, упреждая возражения Дякиных, которые одновременно привстали. – Знаете, что такое импликация? Нет? Я сейчас вам в два счета объясню. Это логическое следование.

– Андрей Андреич! – пискнула со своего места Полина.

– Минутку, дорогуша! Все очень просто. В привидений я не верю. Но если это было не привидение, значит, что? Вернее, кто? Логично предположить, что человек. Человек, который, выбрав ночку потемнее, накинуд на себя что-то белое и блестящее. Как говаривал Карлсон, вы даже не представляете себе, что можно сделать с помощью одной небольшой простыни. Далее. Я исходил из следующего утверждения: люди не летают. По крайней мере, столь медленно. Можно, конечно, промчаться над окрестностями на самодельных крыльях или просвистеть на тарзанке, или приделать к штанам моторчик, но лететь еле-еле и при этом не тарыхтеть?

Отсюда следует – человек, который изображал привидение, не летел, а шел. И если мы не видели, по чему он шел, это не значит, что под ногами у него ничего не было. Я доступно излагаю?

Дякины во все глаза смотрели на него, и только Полина послушно кивнула. Никифоров расхаживал по комнате, выразительно жестикулируя. Вероятно, так он расхаживал перед своими студентами, или кому он там читает лекции?

– Оставалось только проверить свою теорию. Я обратил внимание на то, что Николай Леонидович накануне второго появления привидения в саду забрал у меня фонарь. И, забирая, на всякий случай уточнил, нет ли у меня другого. Помните, что вы спросили, Николай Леонидович? Нет ли у меня фонаря побольше. Когда выяснилось, что нет, вас заинтересовал фонарь поменьше. Я уже тогда подумал, уж не задумали ли вы оставить меня вообще без фонаря? Вы хотели быть уверены, что я не раскрою вашу тайну. Потому что, поймай я вас световым лучом, и канат, даже черный, немедленно стало бы видно.

Полина во все глаза глядела на близнецов Дякиных, а те – на свои ботинки.

– Кроме того, – профессорским тоном продолжал Никифоров, – я встречался с вами всего несколько раз и слышал, как вы говорили о себе – мы, братья Дякины. Вот и в последний раз Николай Леонидович заметил: «Мы, братья Дякины, похожи друг на друга, как кукурузные зерна». Вероятно, вы привыкли к такому обороту – братья Дякины. Понимаете, к чему я веду? Я позвонил кое-куда и выяснил, что да, братья Дякины довольно известные в прошлом воздушные акробаты. Что и требовалось доказать. Уверен, если мы попросим милицию обыскать ваш гараж, там обнаружится и канат, и то самое покрывало, которое так классно смотрелось на вас, когда вы показывали свой коронный номер.

Он обернулся к Полине и спросил:

– Представляете, как человек ходит по канату? Чтобы удержать равновесие, он расставляет руки в стороны. Если при этом на нем покрывало, он становится похожим – на что вы там сказали? На холодильник? И еще покрывало трепещет при каждом шаге. Когда я кинул в так называемое привидение шишкой, канатоходец прибавил скорость и, добравшись до твердой опоры, взмахнул плащом и перевернул его белой стороной внутрь, а черной – наружу. Мне показалось, что призрак взметнулся ввысь, а потом исчез. Обман зрения, господа!

Несмотря на то, что Дякины молчали, как рыбы, оба явно скисли.

– Впрочем, представление было рассчитано не на меня, не так ли? – продолжал вещать Никифоров. – А вот на эту бедную девочку, которую вы задумали напугать до смерти.

– Меня? – ахнула Полина. – Напугать до смерти?! Но зачем? Мы ведь практически незнакомы!

– Спокойствие, только спокойствие. Дайте мне закончить. Канатоходец пугал вас не просто так. Ночью он забирался на ваш чердак и закреплял веревку. Затем прятал где-то возле окна маленький магнитофончик. По крайней мере, я так думаю. После чего влезал на крышу,

свешивал вниз руку с пультом дистанционного управления и нажимал на кнопку. Кроме как на крыше ему негде было быть. Мы ведь осмотрели тогда весь дом, помните?

И вот леденящие душу стоны разносились по дому и окрестностям. Звук шагов тоже был записан на пленку. И шаги, и крики были не такими громкими, чтобы напугать других соседей, но достаточно жуткими для того, чтобы расстроить молодую женщину. Думаю, магнитофон с пленкой мы легко обнаружим на каком-нибудь выступе под крышей. Попугав вас некоторое время, лазутчик выключал магнитофон, накидывал на себя покрывало и прогуливался по канату. Предполагаю, самым хлопотным делом было отвязать его. Или вы использовали саморазвязывающиеся узлы? – обратился он к Дякиным. – Как альпинисты? Дернешь за веревочку, и узла как ни бывало?

Братья впервые переглянулись, а Никифоров ехидно продолжал:

– Сейчас я вас сильно расстрою, господа Дякины. Полина – не хозяйка дома.

– Как? – ахнул Николай Леонидович. – Мы думали...

Он замолчал и растерянно посмотрел на Полину, потом перевел тоскливый взгляд на охранника, которого отлично было видно через стекло. Тот сидел в кресле-качалке, грыз травинку и косил в их сторону бдительным оком.

– Вы думали, что заставите хозяйку бежать отсюда. Или вынудите ее продать дом. Что там такое? Труп, зарытый в георгинах? – требовательно спросил Никифоров. – И вы боитесь, что при реконструкции дома его раскопают? Рассказывайте, вам некуда деваться. Если не хотите получить по статье. Каждый.

– Ну что вы! – подал голос Иван Леонидович. – Какая статья? Какой труп?! Это была шутка. Мы любим разыгрывать соседей. Вам кто угодно скажет...

– Придется признаться, – крикнул Николай Леонидович, остановив брата движением руки. – Нас разоблачили, Ваня. Ничего не попишешь. – Он вздохнул. – Папаша наш, царствие ему небесное, постоянно твердил, что сумел скопить небольшое состояние. Мы не знаем, во что он вложил деньги. Может быть, в бриллианты? Как бы то ни было, папаша как-то признался, что хранит свои сокровища на даче. Причем спрятаны они не в одном каком-то месте, а разделены на части и рассредоточены по дому и участку. Он говорил, что нельзя класть все яйца в одну корзину.

– Но тут на старости лет папаша наш решил жениться, – перехватил инициативу второй Дякин. – Жена его, довольно молодая, не желала проводить отпуск в захолустье и требовала от мужа, чтобы он продал старую дачу в еще неосвоенном поселке и купил что-нибудь более респектабельное. Старый дурак продал дом и собрался перепрятывать свои сокровища. Новые хозяева дали ему неделю на то, чтобы вывезти вещи.

– И тут папаша отколол коленце! – воскликнул Николай Леонидович, хлопнув себя по крепким ляжкам. – Взял и умер! Прямо после сделки. Жenuшка его загребла все, что могла. Но о спрятанных сокровищах она не знала. В отличие от нас. Мы попытались перекупить дом, но у нас ничего не вышло – не хватило денег заинтересовать новых хозяев по-настоящему.

– Хотите сказать, это и есть тот самый дом? – Полина ткнула пальчиком в окно. – Пугая меня, вы сбивали на него цену?

– Ну... – застеснялся Николай Леонидович. – Если бы хозяева подумали, что в доме живет привидение, они могли бы вернуться к нашему предложению. В конце концов, они еще не успели обосноваться... Вы понимаете?

– Вы приняли меня за хозяйку и начали пугать, – заключила Полина. – Мило, ничего не скажешь!

– А вы, стало быть, не хозяйка? – заискивающе спросил Иван Леонидович.

– Она – ее двоюродная сестра, – сообщил Никифоров.

– Вы могли бы все честно рассказать Максиму и Люде, – воскликнула Полина укоризненно. – Они порядочные люди и вошли бы в ваше положение. Лично я, – с жаром добавила она, – никогда бы не взяла чужие деньги!

Никифоров закатил глаза. Рыжая дурочка могла бы этого и не говорить. Бескорыстие было написано у нее на лице аршинными буквами. Она даже не смогла своровать у него пучок укропа!

– Ну? И что мы теперь будем делать? – поинтересовался Никифоров с тревогой в голосе. Ему страстно хотелось избавиться от соседки, а для этого следовало утрясти вопрос с гипотетическими сокровищами.

– Как бы то ни было, в вашем распоряжении еще дней десять, – сообщила та оживившимся Дякиным. – Максим в Париже, на конференции, а Люда в отпуске. А я вам не буду препятствовать – ищите!

Глава 2

Разбудил ее телефонный звонок. Она не сразу поняла, что это именно телефон – противный писк действовал на нервы, и хотелось немедленно его прекратить. Люда оставила ей свой мобильный, надавав кучу инструкций. Полина все инструкции записала в книжечку и теперь схватила ее, чтобы ничего не перепутать.

– Добрый день! – проворковала трубка мягким женским голосом. – Людмила Викторовна?

– Н-нет, – запнувшись, отозвалась Полина, которая никак не могла разлепить ресницы. Сон сегодня был такой крепкий, сладкий, волшебный, какого она давно не помнила. – Людмила Викторовна уехала на некоторое время. Я – ее сестра. Могу я вам чем-то помочь?

Она надеялась, что женщина откажется передавать что бы то ни было и решит дожидаться возвращения Люды, но та продолжила без всякой заминки:

– Моя фамилия Машкова. Машкова Екатерина Ивановна. Я по поводу госпитализации.

– Да-да, – торопливо отозвалась Полина и нашла в книжке нужную страничку. – Если вы что-то хотите передать, это можно сделать через меня, – прочитала она фразу, записанную кузиной. – Меня зовут Полина Федотова.

– Тогда нам следует познакомиться лично, – заявила Екатерина Ивановна решительно. – Я передам бумаги, чтобы Людмила Викторовна по возвращении уже имела их на руках. Вы можете завтра со мной увидеться?

– Могу. Где и когда? – уточнила Полина, прикидывая, как ей добраться до города.

– Давайте встретимся утром возле входа в Манеж. В десять часов.

– Хорошо, а как я вас узнаю?

– Я буду в красном костюме, – ответила та. – А вы?

– А я... – Полина прикидывала, что может надеть «в люди», но с ходу ничего не могла придумать. Поэтому сказала: – У меня рыжие волосы, вы не перепутаете.

Ей очень хотелось угодить своей двоюродной сестре. Люда перед отъездом была такая дерганая, нервная. «Я ужасно устала, – говорила она Полине. – Я так устала, что у меня в глазах темнеет от одной только мысли о телефонных переговорах. Уверена: мне постоянно будут трезвонить пациенты и их родственники. Поэтому я не хочу брать с собой мобильный. И отключать его тоже не хочу, потому что у меня полно обязательств, которые нельзя отложить на целых две недели. Ничего, если я оставлю все дела на тебя?»

Конечно, Полина согласилась. И вот теперь ей необходимо ехать в Москву, а она не знает, как добраться до станции или хотя бы до автобусной остановки. К Никифорову она больше ни за что не сунется – он и так сделал для нее невозможное. И бремя благодарности настоятельно просил нести в одиночестве. Тогда она отправилась к Дякиным, и Николай Леонидович немедленно вызвался ее отвезти.

– Мне как раз нужно в город за провизией, – засуетился он. – С удовольствием под вас подстроюсь, голубушка!

Дякины считали, что они у нее в неоплатном долгу, и Полина решила не отказываться от предложения. На следующее утро она встала рано и долго утюжила сарафан, который надевала и в пир, и в мир, и в добрые люди. По дороге она выяснила у Николая Леонидовича, каким способом лучше всего возвратиться назад, и все подробно записала.

Полина была уверена, что увидит возле Манежа эффектную молодую даму. Однако в красный костюм оказалась одета особа лет пятидесяти пяти, невысокая, круглолицая, миловидная, с простой прической и в туфлях на низком каблуке. Костюм был хоть и красным, но каким-то очень невыразительным.

– Екатерина Ивановна? – спросила Полина, торопливо подходя к ней.

– Да, это я. А вы, стало быть, Полина Федотова?

– Федотова. Вы хотели мне что-то передать.

– Что же, прямо так сразу к делу? – улыбнулась Машкова. – Может быть, мы с вами выпьем где-нибудь по чашечке кофе?

Кофе в центре города мог развалить ее месячный бюджет, поэтому Полина решительно отказалась, сославшись на дела.

– Тогда давайте сядем в мою машину, – предложила Екатерина Ивановна. – Я передам вам бумаги, а потом подвезу до метро. Идет?

Полина проследила взглядом за немолодым мужчиной, который прогуливался поодаль и время от времени останавливался и пристально смотрел на нее. Мужчина выглядел отталкивающе – анемичный, с белой кожей и большими вялыми руками, висящими вдоль тела. Полине стало неприятно, и она немедленно согласилась, чтобы ее подвезли.

– Вот, – сказала Екатерина Ивановна, когда они устроились в салоне ее «Жигулей», и подала Полине запечатанный конверт. Конверт был тощий, но довольно большой, и в сумочку не вмещался. – Я так благодарна вашей сестре! Она святой человек. Если речь заходит о госпитализации без направления, начинаются всякие сложности.

– Да-да, – вякнула Полина, растерянно улыбаясь.

– Вы тоже медицинский работник, Полиночка? – спросила Екатерина Ивановна и тоже улыбнулась. У нее была хорошая, добрая улыбка, от которой сразу же теплело на сердце.

– В общем, да, – промямлила та.

– И работаете с сестрой в одной больнице?

– Да.

Не рассказывать же постороннему человеку о доме престарелых и о том, что она еще не перешла, а только собирается. И что она не врач и даже не медсестра, а всего лишь регистраторша.

– Вижу, вы ей во всем помогаете, – Екатерина Ивановна резко вывернула руль, вписываясь в поворот. Сзади засигналили, но она не обратила внимания.

– Между нами полное доверие! – проникновенно сказала Полина, чтобы тетка не подумала, будто Люда ею пренебрегает, отлынивая от личной встречи. – Сестра сейчас в отъезде, но у меня все под контролем. Высадите меня, пожалуйста, возле вон того светофора.

Она решила возвращаться в поселок не на электричке, а на автобусе. Билет был довольно дорогим, но Люда оставила денег на расходы, связанные с ее поручениями, поэтому Полина со спокойной душой устроилась на высоком сиденье и стала глядеть в окно. Поездка казалась ей увлекательнейшим путешествием. Она подумала, что в последние годы так редко куда-нибудь выбиралась и совершенно отвыкла от новых впечатлений.

Шофер заранее объявлял остановки, и, когда назвал нужную, Полина суетливо поднялась и, прижимая сумочку к животу, начала пробираться к выходу. Конверт пришлось сложить и спрятать внутрь, чтобы не потерять. Вслед за ней к двери двинулся кто-то еще. Полина ухватилась за перекладину и слегка повернула голову.

И обмерла. Сердце подпрыгнуло в груди, перевернулось, шмякнулось на место и забило в истерике. Сзади стоял тот самый анемичный мужчина с большими руками, который глазил на нее возле входа в Манеж. Как он очутился в этом автобусе?! Случайно? Не бывает таких случайностей! Неужели он положил на нее глаз и выследил? Но как ему это удалось? Ведь Екатерина Ивановна увезла ее от Манежа на машине! Он что, остановил попутку и бросился в погоню? Или ехал за ними на собственной машине, а на автовокзале бросил ее, чтобы оказаться с Полиной в одном автобусе? Что ему надо?!

Полина немедленно решила, что это маньяк. У него странная внешность и неприятный взгляд. И еще руки, которые веревками болтаются вдоль тела, словно вообще ему не принадлежат.

Автобус остановился, двери открылись, и путешественница вывалилась наружу. Бодрым шагом она прошла несколько метров, потом наклонилась, сделав вид, что поправляет ремешок на босоножке. Тем временем автобус шумно вздохнул, закрывая двери, и медленно тронулся с места. На обочине осталась только она и предполагаемый маньяк. Вместо того чтобы обогнать ее, этот тип тоже притормозил и стал равнодушно наблюдать за проносящимися мимо автомобилями.

Полина не знала, что делать. Чтобы добраться до дому, нужно повернуть на проселочную дорогу и лесочком пройти примерно полкилометра. Дорога, понятное дело, не слишком оживленная, и если этот тип задумал нехорошее дело, ему никто не помешает на нее напасть. Нет, уходить от шоссе ни в коем случае нельзя! Здесь он вряд ли на нее кинется.

Полина выпрямилась и медленно пошла вдоль дороги. Мужчина, как привязанный, двинулся за ней. Она остановилась. Он тоже остановился. При этом делал вид, что вовсе ею не интересуется, так что повернуться и спросить: «Что вам от меня надо?!» – было совершенно невозможно. Может быть, он ждет, пока за ним кто-нибудь приедет, и просто прогуливается туда-сюда? С другой стороны, верить в лучшее в наши дни довольно глупо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.